

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Жил когда-то дровосек с женою, и было у них семеро детей, все мальчики; старшему исполнилось всего десять лет, а самому младшему — только семь. Быть может, и странно, что у дровосека за такое короткое время родилось столько детей, но жена его не мешкала и всякий раз приносила ему двойню. Эти люди были очень бедные, и семеро их детей были для них большою обузой, потому что ни один из мальчиков еще не мог зарабатывать себе на жизнь. Огорчало их еще и то, что младший был очень слабый и всегда молчал; они считали глупостью то, что на самом деле было признаком ума. Он был очень мал ростом, а когда родился на свет, то был не больше пальца, оттого-то его и стали называть Мальчик с пальчик. Дома он от всех терпел обиды и всегда оказывался виноватым. Между тем он был самый смысленный и рассудительный из братьев, и если мало говорил, то много слушал. Настала тяжелая пора, начался такой великий голод, что эти бедные люди решили отделаться от своих детей. Однажды вечером, когда мальчики уже улеглись, дровосек, у которого сердце сжималось от тоски, сказал жене, сидя с нею у огня: «Вот видишь, мы уже не можем прокормить наших детей; я не вынесу, если они умрут от голода у меня на глазах, и я решил отвести их завтра в лес и бросить там, а сделать это просто: пока они будут тешиться — вязать хворост, нам нужно только убежать так, чтоб они нас не увидели». «Ах! — воскликнула жена дровосека. — Неужели ты сам поведешь и бросишь наших детей?» Напрасно муж говорил ей об их великой нищете, она не соглашалась: она была бедна, но она была им мать. Однако, подумав о том, как больно ей будет смотреть на детей, умирающих от голода, она в конце концов согласилась и в слезах отошла ко сну. Мальчик с пальчик слышал весь их разговор: он с постели услышал, как они заговорили о делах, тихонько встал и, чтобы не быть замеченным, забрался под скамейку, на которой сидел отец. Потом он снова лег и всю ночь не спал, раздумывая о том, как ему поступить. Встал он рано утром и пошел к ручью, где набрал полные карманы маленьких белых камешков, а потом вернулся домой. Собрались в путь, и Мальчик с пальчик ни слова не сказал своим братьям про то, что знал. Они пошли в самую чащу леса, где за десять шагов уже не могли видеть друг друга. Дровосек стал рубить деревья, а дети — собирать хворост в вязанки. Отец и мать, зная, что дети заняты работой, украдкой отошли от них, а потом окольной тропинкой побежали прочь. Дети, увидев, что остались одни, принялись что было мочи кричать и плакать. Мальчик с пальчик не мешал им кричать, он знал, каким путем им следует вернуться домой: пока они шли, он бросал вдоль дороги маленькие белые камешки, что были у него в кармане. И вот он им сказал: «Не бойтесь, милые братцы, отец и мать оставили нас тут, но я доведу вас до дому: идите-ка за мной». Они пошли за ним, и он привел их домой той самой дорогой, которой они пришли в лес. Они не решились войти сразу же и приникли к двери, стараясь услышать, что говорят их родители. Когда дровосек

и его жена вернулись к себе, сеньор, что владел деревней, прислал им десять экю, которые уже давно был им должен и которых они уже не надеялись получить. Бедные люди сразу ожили — ведь они чуть было не умерли с голоду. Дровосек тотчас послал жену к мяснику. Так как они давно ничего не ели, то мяса она купила в три раза больше, чем надо было на ужин двоим. Когда они насытились, жена сказала: «Ах! Где-то теперь наши бедные дети? Им бы по вкусу пришлось то, что осталось от нашего ужина. Но ведь это ты, Гильом, захотел бросить их в лесу; я же говорила, что мы будем раскаиваться. Что они теперь делают там, в лесу? Ах, боже мой, может быть, волки уже съели их! Какой ты жестокий, что бросил своих детей!». Дровосек потерял наконец терпение: она раз двадцать, не меньше, повторила ему, что он будет раскаиваться и что она ведь это говорила. Он пригрозил, что прибьет ее, если она не замолчит. Нельзя сказать, чтобы дровосек не досадовал на себя, и чуть ли даже не больше, чем его жена; но ведь она не давала ему покоя, а он был такого же нрава, как и многие другие мужчины, которые любят женщин, умеющих говорить правду, но считают несносными тех, кто всегда бывает прав. Жена дровосека заливалась слезами: «Ах! Где-то теперь мои дети, бедные мои дети?» Повторив несколько раз эти слова, она произнесла их наконец так громко, что дети, стоявшие за дверью, услышали их и все разом закричали: «Здесь! Мы здесь!» Она побежала отворить им дверь и сказала, целуя их: «Как я рада, что опять вижу вас, милые мои дети! Вы очень устали, очень проголодались! А ты, Пьеро, весь в грязи! Поди ко мне, я тебя обчищу». Этот Пьеро был ее старший сын, которого она любила больше всех остальных, потому что волосы у него были рыжеватые, как и у нее. Дети сели за стол и с таким удовольствием принялись за еду, что порадовали сердца своих родителей, которым они все разом рассказывали о том, как им страшно было в лесу. Добрые люди были вне себя от радости, что видят детей своих подле себя, и радость эта не иссякала до тех пор, пока не иссякли десять экю. Но когда деньги были истрачены, они опять загоревали и снова решили бросить детей в лесу, а чтобы теперь уже не потерпеть неудачи, завести их гораздо дальше. Нельзя им было, однако, поговорить об этом так, чтобы их не подслушал Мальчик с пальчик, который и на этот раз придумал, как выпутаться из беды; но хотя он и встал рано утром, чтоб пойти набрать камешков, ничего у него не вышло, так как дверь дома оказалась запертой крепко-накрепко. Он не знал, что теперь делать, но, когда мать каждому из детей дала по куску хлеба, ему пришло в голову, что хлеб может заменить камешки, если бросать крошки вдоль дороги, по которой они пойдут; и он спрятал в карман свой кусок хлеба. Отец и мать отвели их в лес, в самую густую чащу, и бросили там, а сами сразу же свернули на окольную дорожку. Мальчик с пальчик не очень опечалился, потому что думал без труда найти дорогу по тем крошкам хлеба, которые он разбросал всюду, где проходил, но был немало удивлен, когда не смог найти ни единой крошки: прилетели птицы и все поклевали. Тут мальчики впали в уныние: чем больше они блуждали, тем дальше углублялись в лес. Настала ночь, и поднялся сильный ветер, повергнувший их в неопикуемый ужас. Им казалось, будто со всех сторон доносится вой волков,

которые приближаются к ним, чтобы их съесть. Они едва решались промолвить слово или повернуть голову. Полил сильный дождь, который промочил их до нитки; на каждом шагу они скользили, падали в лужи, вставали перепачканные и не знали, куда девать грязные руки. Мальчик с пальчик взобрался на верхушку дерева — посмотреть, не заметит ли что-нибудь вдаль; поглядев во все стороны, он увидел огонек, мерцавший, точно свечка, но только где-то очень далеко, за лесом. Мальчик с пальчик спустился с дерева, а спустившись, не увидел огонька, и это привело его в отчаяние. Однако он пошел вместе с братьями в ту сторону, где показался свет, и уже на краю леса опять увидел его. Наконец они подошли к дому, в окне которого горела свеча; опять натерпелись они страху по дороге: ведь они теряли огонек из виду всякий раз, как спускались с холма в низину. Они постучались в дверь, и добрая женщина вышла им отворить. Она спросила, чего им надо. Мальчик с пальчик ответил ей, что они просят позволить им из милости переночевать. Эта женщина, увидев, какие они все миленькие, заплакала и сказала: «Ах, бедные дети, куда вы пришли! Да знаете ли вы, что здесь дом Людоеда и что он ест маленьких детей?» «Ах, сударыня, — ответил ей Мальчик с пальчик, дрожавший всем телом, так же как и его братья, — что нам делать? Уж волки в лесу непременно съедят нас этой ночью, если вы не захотите нас приютить, а коли так, то пусть уж лучше нас съест господин Людоед; может быть, он сжадется над нами, если только вы попросите его». Жена Людоеда, подумав, что ей удастся скрыть их от мужа до завтрашнего утра, впустила детей и повела погреться у очага: целый баран жарился на вертеле — ужин для Людоеда. Когда они уже начали отогреваться, в дверь с силой постучали три или четыре раза: это вернулся Людоед. Жена тотчас же спрятала их под кровать и пошла отворить ему. Людоед первым делом спросил, готов ли ужин и нацедили ли вина, и сразу же сел за стол. Баран еще не прожарился, но показался тем вкуснее. Людоед принялся, поворачиваясь во все стороны, — он говорил, что чует запах свежего мяса. «Это, наверно, теленок, которого я только что освежевала», — сказала жена. «Говорю тебе, чую запах свежего мяса, — промолвил Людоед, искоса глядя на жену, — что-то здесь есть, чего я не пойму». Сказав это, он встал от стола и прямо пошел к постели. «А, — сказал он, — так вот как ты меня хотела обмануть, проклятая баба! И не знаю, отчего это я тебя не съем: счастье твое, что ты старая тварь. А добыча подоспела кстати: на днях у меня будут три приятеля-людоеда, и теперь мне есть чем их угостить». Он вытащил мальчиков из-под кровати, одного за другим. Бедные дети стали на колени, моля о пощаде; но это был самый жестокий из людоедов; и не думая о жалости, он уже пожирал их глазами и говорил своей жене, что это будут прелакомые кусочки, когда она приготовит к ним хороший соус. Он взял большой нож и, подойдя к бедным детям, стал точить его о длинный камень, который держал в левой руке. Он уже схватил одного из мальчиков, как вдруг жена сказала ему: «Да что это вы затеяли в такой час? Разве завтра у вас мало времени?» «Замолчи, — сказал Людоед, — ведь мясо будет мягче». «Но ведь у вас еще так много мяса, — возразила жена, — вот теленок, вот два барана и полсвиньи». «Это верно, — сказал Людоед, — дай

им как следует поужинать, чтобы не отощали, и уложи спать». Жена была вне себя от радости и принесла им поужинать, но они не могли есть, так были напуганы. А Людоед снова стал пить, в восторге от того, что может так прекрасно угостить своих приятелей. Он выпил глотков на двенадцать больше, чем обычно, а от этого кровь слегка ударила ему в голову, и ему пришлось лечь спать. У Людоеда было семь дочерей — еще маленьких. Все эти маленькие людоедки отличались прекрасным цветом лица, потому что ели сырое мясо, так же как и их отец: но глазки у них были серые и совсем круглые, носы крючковатые, а рты огромные, с длинными зубами, очень острыми и посаженными весьма редко. Они были еще не очень злые, но подавали большие надежды, ибо уже кусали маленьких детей, чтобы сосать их кровь. Их рано уложили спать, и они всемером лежали на широкой кровати, каждая — с золотым венцом на голове. В комнате стояла другая кровать, совсем такая же: на эту-то кровать жена Людоеда и уложила семерых мальчиков, после чего сама легла спать рядом со своим мужем. Мальчик с пальчик, заметив, что у дочерей Людоеда золотые венцы на головах, и опасаясь, как бы Людоед не раскаялся, что не прирезал мальчиков в тот же вечер, встал среди ночи, снял с братьев колпаки и тихонько надел их на головы дочерям Людоеда; сняв с тех золотые венцы, он надел их на головы братьям, чтобы Людоед принял их за своих дочерей, а своих дочерей — за мальчиков, которых ему не терпелось зарезать. Все вышло так, как он и предвидел: Людоед, проснувшись ночью, пожалел, что отложил на завтра то, что мог сделать накануне. Он выскочил из постели и, схватив нож, сказал: «Посмотрим, как поживают наши плутишки; не будем медлить». И вот он ощупью пробрался в комнату дочерей и приблизился к постели, где лежали мальчики; все они спали; не спал только Мальчик с пальчик и очень испугался, когда почувствовал, что Людоед щупает ему голову, как он ощупал уже головы всем его братьям. Людоед, дотронувшись до золотых венцов, сказал: «И впрямь натворил бы я бед; вижу, что я слишком много выпил вечером». Потом он подошел к кровати своих дочерей и, нащупав колпаки, сказал: «Вот они, наши молодцы; теперь за дело». С этими словами он, уже не раздумывая, перерезал горло своим дочерям. Весьма довольный, что исполнил это дело, он пошел и снова лег рядом с женой. Едва Мальчик с пальчик услышал храп Людоеда, он разбудил братьев и сказал им, чтоб они живо одевались и шли за ним. Они тихонько спустились в сад и перелезли через стену. Всю ночь они бежали, не переставая дрожать, сами не зная, куда бегут. Людоед, проснувшись, сказал жене: «Ступай-ка наверх да собери этих вчерашних плутишек». Жену Людоеда весьма удивила его доброта, она не подозревала, в каком смысле он сказал «собери», и думала, что он велел ей собрать их в дорогу. Она пошла наверх и немало была поражена, когда увидела, что дочери ее зарезаны и плавают в крови. Начала она с того, что упала в обморок (ибо это первый выход, который почти всякая женщина находит в подобном случае). Людоед, опасаясь, что жена его, которой он поручил это дело, может замешкаться, сам пошел наверх — помочь ей. Он удивился не менее, чем его жена, когда увидел это ужасное зрелище. «Ах, что я наделал! — воскликнул он.

— Они за это поплатятся, негодяи, и тотчас же!». Он тут же вылил на жену целый горшок воды и приведя ее в чувство, сказал: «Живо дай мне мои семимильные сапоги, чтоб я мог поймать этих мерзавцев». Он отправился в путь и, набегавшись в разные стороны, напал в конце концов на ту тропинку, по которой шли бедные дети, а им до отцовского дома оставалась всего сотня шагов. Они увидели Людоеда, шагавшего с горы на гору и переступавшего через реки так же просто, как если бы это были ручейки. Мальчик с пальчик, заметив неподалеку скалу с пещерою, спрятал в нее своих братьев и сам в нее заполз, но продолжал следить, что делает Людоед. Людоед, весьма уставший от пути, пройденного понапрасну (ибо тот, кто носит семимильные сапоги, очень устает в них), пожелал отдохнуть и случайно сел на ту самую скалу, в которой спрятались мальчики. Так как он изнемогал от усталости, то, посидев немного, заснул и так ужасно захрапел, что бедные дети испугались не меньше, чем тогда, когда он взял нож, чтоб их зарезать. Мальчик с пальчик испугался меньше и сказал своим братьям, чтобы они скорее бежали домой, пока Людоед крепко спит, и чтобы о нем не беспокоились. Они послушались его совета и живо побежали к дому. Мальчик с пальчик, приблизившись к Людоеду, тихонько стащил с него сапоги и тут же обулся в них. Сапоги были весьма большие и широкие, но так как они были волшебные, то обладали свойством увеличиваться и уменьшаться, смотря по тому, на какие ноги их надевали, так что и пришлись ему впору, словно для него и были сшиты. Он пошел прямо к дому Людоеда, где жена его оплакивала зарезанных дочерей. «Ваш муж, — сказал ей Мальчик с пальчик, — в большой опасности: он попался в руки грабителям, и они поклялись убить его, если он не отдаст им все свое золото и серебро. В тот самый миг, когда они приставили ему нож к горлу, он увидел меня и попросил добежать до вас и рассказать, что с ним приключилось, и приказал, чтобы вы послали ему со мною все его добро, ничего не оставляли себе, а то они убьют его безо всякой пощады. Дело не терпит, он велел мне надеть свои семимильные сапоги, чтобы я шел скорее и чтобы вы не заподозрили меня в обмане». Жена, весьма испугавшись, сразу же дала ему все, что у нее было, ибо этот Людоед был все-таки хорошим мужем, хоть и ел детей. Мальчик с пальчик, нагруженный всеми богатствами Людоеда, вернулся в дом своего отца, где его встретили с великой радостью. Некоторые люди, правда, не хотят этому верить и утверждают, что Мальчик с пальчик такой кражи не совершал, что в действительности он только не посоветился снять с Людоеда его семимильные сапоги, которые тому нужны были затем, чтоб гоняться за малыми детьми. Эти люди уверяют, будто им это доподлинно известно еще и потому, что им случалось пить и есть в доме дровосека. Они уверяют, будто Мальчик с пальчик, когда надел сапоги Людоеда, отправился ко двору короля, где, как он знал, весьма беспокоились о судьбе войска, находившегося на расстоянии двухсот миль оттуда, и об исходе битвы. Он — так рассказывают — пошел к королю и объявил ему, что, если угодно, он еще до ночи принесет ему вести о судьбе войска. Король обещал ему много денег, если это ему удастся. Мальчик с пальчик принес вести в тот же вечер, а так как случай этот доставил ему

известность, он и стал зарабатывать сколько его душе было угодно; и множество дам давали ему столько, сколько он требовал, лишь бы получить вести от своих возлюбленных, и это составляло его главный доход. Нашлось также несколько жен, которые поручали ему относить письма к своим мужьям, но платили они так плохо и было от них так мало проку, что этот заработок он ни во что не ставил. Позанявшись некоторое время ремеслом гонца и нажив много добра, он вернулся в отцовский дом, где ему так обрадовались, что невозможно и вообразить. Благодаря ему вся семья зажила в довольстве. Для отца и братьев он за деньги приобрел недавно учрежденные должности, таким образом пристроил их всех и в то же время сыскал себе прекрасную невесту.

МОРАЛЬ

Мы все не прочь иметь хоть дюжину ребят,
Лишь только бы они ласкали ростом взгляд,
Умом да внешностью красивой;
Но всяк заморыша обидеть норовит:
Все гонят, все гнетут враждой несправедливой,
А сплошь да рядом он, прямой байбак на вид,
Спасает всю семью и делает счастливой.

